

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА АНДРЕЯ КРУЗА

АНДРЕЙ КРУЗ

ЭПОХА МЕРТВЫХ
Москва

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К84

Иллюстрация на обложке *Ивана Хивренко*

Круз, Андрей.

К84 Эпоха Мертвых — 2. Москва / Андрей Круз. — Москва : Эксмо, 2024. — 544 с. — (Боевая фантастика Андрея Круза).

ISBN 978-5-04-199596-6

Сергей выбрался из захваченной зомби Москвы и собрал отряд проверенных бойцов, чтобы пробраться для похода в секретную военную лабораторию. Но в Москве остались богатейшие запасы, и Сергей решает за ними вернуться. В условиях выживания оружие, патроны и транспорт заслуживают риска. Сергей уже плотно в военных делах, в зараженном городе, наполненном монстрами, работа для него найдется.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199596-6

© Круз А., Круз М., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ПРОЛОГ

Наверное, это странно, но огромный мир может умереть всего за несколько дней. Случится что-то такое, чего не ждали и к чему не готовились, и все. И двух недель не прошло с тех пор, как вирус «шестерка» пошел по планете, и что теперь? Если честно, мне трудно сказать, что теперь. Телевидения не стало, радиостанции работают только местные, да и те все больше о том говорят, что поблизости происходит. Как спастись, куда бежать, что делать — сплошь полезные советы. И все. Весь остальной мир словно уже и не существует.

Москва. Столица, мегаполис, родной город, в конце концов. Во что она превратилась? Кто теперь остался в ней, кроме целой армии противоестественно оживших мертвецов? Наверное, уже никого. А если кто и остался, тот обречен на безнадежное ожидание смерти. Мы были там, и мы видели, как смерть забирает мой город у жизни. И делает это безжалостно, бесцеремонно и, самое главное, — навсегда. Это сразу видно и сразу понятно. Смерть не имеет привычки отдавать что-то обратно. Если только не возвращает это сама, чтобы становиться сильнее, как толпы тех же зомби, что бредут сейчас по серым улицам Москвы.

Сергей Крамцов, бывший аспирант

28 марта, среда, вечер

Ну вот, теперь мы съезжаем из дачного поселка окончательно. Он укрыл нас, спрятал, спас, чего уж правду-то таить. Дал возможность организовать, собраться в какую-то общность, достаточно эффективную и даже боеспособную, зубастую, можно сказать. Теперь все, «эпоха дачного жительствова» закончилась, всего за десяток дней. Новая жизнь диктует новые формы организации выживших, и к одной такой форме мы сейчас и примкнем, спасибо той неожиданной и странной встрече на Международном шоссе с подполковником Пантелеевым.

Войдя в дом, я прошелся, оглядывая комнаты. И когда теперь сюда вернуться? Скорее всего, уже никогда. Сколько шашлыка здесь было съедено, сколько в бане проведено вечеров, сколько раз с Татьяной раскачивали скрипучую старую кровать... Все остается в прошлом, так же как и запертая и брошенная квартира, что на улице Изумрудной. Остается в прошлой жизни, быстро теряющейся во мраке и мути воспоминаний последних жутких дней. А впереди — жизнь смутная, странная и непонятная. И где она будет у меня? И какая? И будет ли вообще? Тьфу-тьфу-тьфу, так и накаркать можно.

Я перешел в дом напротив, самочинно нами занятый, тоже осмотрел комнаты на предмет забытых вещей. И здесь все собрали, кроме моей «тревожной сумки», которая дожидалась меня на столе в кухне. Я подхватил ее и направился на улицу. Вот теперь все, можно трогать.

Еще вчера мне удалось поговорить с «мастеровыми мужиками» и предложить им перебраться с нами в учебный центр «Пламя». И я ни капли не удивился тому, что мое предложение отказа не встретило. Заодно познакомился со вторым из них, Павлом, и с их семьями, то есть двумя женами и тремя детьми. Времени зря они не теряли, и уже все окна в доме были закрыты аккуратно подогнанными щитами, и у обоих были новенькие с виду СКС. Вчера же утром, с моей подачи, они сгоняли до заправки, где и получили по карабину и по сто двадцать патронов с обоймами, чем были весьма довольны и даже организовали дежурство. Сейчас же, пока народ паковал остатки вещей, я сбегал к ним на своих двоих и предложил быть готовыми через час присоединиться к колонне.

На пути обратно пробежал мимо того дома, где нас позавчера угостили водкой. Во дворе никого не было, но до меня донеслись визгливые звуки семейной ссоры. Или опять перепили мужички, или жена кого-то из них пытается заставить что-то делать.

Подбежал к своим, которые погрузку уже закончили и заводили машины. «Приблудный» стоматолог с женой и две спасенные нами женщины оторопело смотрели на все это хозяйство, множество машин и хорошо вооруженный и экипированный народ. Если честно, то понимаю их чувства. И это они половину имущества не видели, зря, что ли, мы вчера целую кучу машин отогнали?

Сейчас «мастеровых мужиков» с семьями нам пришлось подождать на центральной аллее поселка. Мы как-то раньше времени тронулись, а они к быстрой загрузке своих пожитков готовы не были, в отличие от нас, хоть и собирались заранее. Но слишком много времени это тоже не заняло. Курящие, такие как Шмель, Паша и Сергеич, едва успели выдымить по сигарете, портя чистый весенний воздух, как из боковой аллеи показались две «Нивы», белая и бежевая. Им показали, куда пристраиваться, и наша колонна, которая стала настоящей колонной, двинулась в путь.

Боеготовность растянувшегося и отягощенного излишним транспортом отряда сейчас равнялась нулю, поэтому мы с Татьяной на «Форанере» вырвались далеко вперед, осматривая дорогу и взяв на себя обязанности головного дозора. Не дай бог именно сейчас нарваться на неприятности, ведь даже отбиться не сумеем.

Едва выехали из поселка, как я увидел аж троих мертвяков, медленно бредущих по разбитой дороге. М-да, а вот и они, а мы и заждавшись. До сих пор возле дач они не появлялись, кроме того, первого, о котором говорил Петрович и который неизвестно куда сгинул, а тут целая компания. Ситуация продолжает ухудшаться. Я предупредил колонну по радио о том, что сейчас будет стрельба, и, высунувшись из машины, застрелил всех троих из автомата, открыв огонь одиночными. С пятидесяти примерно метров и с коллиматорным прицелом потратил десяток патронов на троих — их раскачивающаяся, переваливающаяся походка заставляет промахиваться даже в таких условиях, когда стреляешь как на стенде с мишенями.

Еще двоих мертвяков я увидел на асфальтовой дороге и их тоже застрелил. Дальше до шоссе дошли без приключений, равно как и проскочили по нему до поворота на «Пламя». Разве что не раз ловил на себе удивленные взгляды едущих из Москвы людей, не понимающих, кто может сейчас ехать в сторону величайшего в мире рассадника ожившей мертвечины? Ну это они по наивности, своими глазами довелось видеть мародеров в мертвом городе. Там им самое раздолье сейчас, если не боятся жизни лишиться особо мерзким образом. Но некоторые не боятся.

Сигнал и волну радиоопознания на КПП «Пламени» нам дали, и опознались мы как положено, но все равно после проезда в ворота нас остановили. Там теперь было организовано нечто вроде накопителя или шлюза. Подошли два прапора, начали проверять документы и составлять список прибывших. Одно дело, когда мы просто в гости ездим, и совсем другое — на заселение. Заправлявший здесь всем старший лейтенант, тот же самый, которого

видели позавчера, записал в амбарную книгу номера документов и даты выдачи, после чего пропустил нас дальше, сказав, куда ехать, хоть мы и так все знали уже.

В гостинице нас встретила еще и немолодая женщина в наброшенном на плечи военном бушлате, в который она зябко куталась. Она выдала нам ключи от комнат, причем подобрала их так, чтобы мы оказались рядом с теми, кто прибыл вчера, затем рассказала, во сколько открывается и закрывается местная столовая. Еще женщина спросила, кто из нас сюда на постоянное жительство, и сказала, чтобы они сразу после размещения отправились представиться зампотылу. Таких у нас набралось одиннадцать человек, если с семьей доктора и спасенными в Солнечногорске женщинами посчитать «мастеровых» с семьями.

Нам с Таней достался тесный двухместный номер, больше похожий на вытянутый пенал, в котором мы сразу сделали радикальную и самую важную перестановку, то есть сдвинули кровати. Двухспальных кроватей в этой сугубо служебной гостинице не было. Скорее это была даже не гостиница, а общежитие, с душевыми и туалетами в конце коридора. Зато в подвале была баня, которую вполне можно было зарезервировать лично для себя на пару часиков. Электричество еще подавалось, имелась и горячая вода. А вот что они думают делать дальше? Ведь электростанции рано или поздно встанут, равно как иссякнет поток газа в котельные или запас угля к ним. Чем будут топить и чем освещать помещения зимой? Пусть до холодов еще больше полугод, но пролетит это время быстро. Вообще они, наверное, и это тоже продумали. Тут вообще какие-то мужики все больше продуманные, чего один засев учебных полей стоит.

Людей в гостинице было много, но в основном это были или дети, или девочки подросткового возраста с детьми, или их бабушки. Наверное, все взрослые трудоспособные были при деле, учитывая, что работа кипела по всей территории, достаточно в окно выглянуть, чтобы в этом убедиться.

Мы побросали вещи и оружие у себя в номерах, оставив на себе лишь пистолеты, с которыми я приказал не расставаться никогда, даже в отхожем месте, сбросили анораки и пошли вниз.

В столовке было шумно, многолюдно, чисто, хоть изысками интерьер не блистал — самая классическая столовка. Мы пришли самыми последними из всех. Наши уже успели сдвинуть столы в один и рассесться, там же за столами сидели спасенные Маша и Даша. Еще за нашим столом, к моему удивлению, оказался Пантелеев, с какой-то приятной женщиной лет сорока, которую он представил как жену, а заодно и как врача. Звали ее Людмилой, мы познакомились.

Пошел к раздаче, прихватив поднос. Кормили без изысков, но вкусно, и я взял котлету с жареной картошкой, минералку и чай. Вернувшись за стол, уселся прямо напротив Пантелеева, затем по ходу дела быстро, но с «леденящими душу» подробностями, рассказал подполковнику историю близняшек, оставшихся сиротами и спасенными из рук насильников. Подполковник посмотрел на них внимательно, переспросил, сколько им лет, хмыкнул чуть иронически, как любой другой хмыкнул бы тоже, но безусловное «добро» на их пребывание в «Пламени» дал. Судя по всему, его впечатлениям о том, что нужно лейтенантам, они соответствовали. А заодно перепоручил их жене, попросив приставить к делу. У них в санчасти, перестраиваемой теперь в госпиталь, был недостаток медсестер.

А дальше, пользуясь моментом, я решил позадавать вопросы, которые меня мучили. Здорово так мучили, до свербения в заднице.

— Товарищ полковник¹, а как думаете следующую зиму встречать? — задал я первый вопрос. — Думаете, что еще будет свет и тепло?

¹ В армейской среде обращение «товарищ подполковник» применяется редко, в основном в официальных случаях. Обычно — «полковник».

— Нет, мы же тут не совсем дубы, — усмехнулся тот. — По свету... если в перспективе, то даже постройка маленькой электростанции на базе котельной планируется, есть у нас специалисты по малой энергетике, и вроде даже знают, откуда паротурбинные установки взять... Но это уже совсем на потом. А по жилью... есть два проекта у нас — дополнительно утеплять стены многоэтажек, ставить везде маленькие печи и разводить дымоходы или даже строить деревянные избы. Они куда теплее панельных домов, если правильно строить. И жить как предки жили, чем плохо? Места у нас много, можно не одну деревню разместить.

— Ничем не плохо, даже здорово, — покачал я головой. — Я люблю деревянные дома, если честно. А умеее избы-то строить?

— Уметь тут нечего, главное, чтобы лес был правильный и в нужном количестве. А пока начнем дрова заготавливать. Точнее, уже начали, сейчас делаем вокруг периметра полосу отчуждения, и все срубленное на дрова идет, если на пиломатериал не годится. Так и будем заготавливать ежедневно.

— А с продовольствием у вас как? — поинтересовался я.

— Вот с продуктами сложнее, — вздохнул Пантелеев. — Есть пока запасы кое-какие, нашли и распахали место, где картошку сажать, свинарник уже начали строить, большой, насчет свиней даже где-то начпрод договорился. Птицеферма опять же. Но все равно, пока свое хозяйство разовьется, надо бы еще запастись теми же консервами. У нас тут больших продскладов никогда не было, сам понимаешь. Учебный центр общевойсковой академии — это не часть и не склад Росрезерва.

Понимаю, конечно, чего тут не понять? Учебный центр и испытательные полигоны. На кой черт ему были нужны склады НЗ с тушенкой? Зато у меня есть прекрасная идея насчет как раз таких складов, и я спросил:

— Товарищ полковник, скажите, а сколько людей и с чем вы можете выставить на операцию вне центра, если не внапряг? Не оголяя тылы, так сказать.

Подполковник задумался. Затем ответил уверенно:

— Роту. Полноценную, с броней, на бэтэрах. А может, и больше, если командир другие работы ужмет на день-другой. А что?

— Здорово! — Я аж руки потер от радостного предвкушения. — А грузовики мобилизовать под перевозку продуктов?

— Это не ко мне, я тут все же по военно-тактической части, это к зампотылу, — ответил Пантелеев. — Но десяток могут выделить сразу. Наверняка.

— Прекрасно! — заявил я, откровенно ликуя. — Рассказываю, где продуктов до неба, но надо выбить оттуда одну банду, не сильную, но наглую.

Естественно, я подумал о Хлебникове. Слишком умные менты с такими же шибко умными кавказцами. Оккупировали, наверняка еще погнали или перебили хозяев и работников складов, раньше там не только Кавказ торговал, захватили все, что там есть, и теперь живут-жируют. Не до хрена ли им будет? Тем более что я уже думал, что не удержат им нынешними силами базу, придет кто посильнее и погонит их в шею. Так пусть лучше вояки их погонят, они не для торговли, а для людей продукты ищут.

Подполковнику идея не просто понравилась, а понравилась очень сильно. Настолько сильно, что он затребовал меня завтра с раннего утра в штаб, на составление плана операции. Я попытался было отнекиваться, сказал, что был там всего раз в жизни и толку от меня немного, но получил приказ в категоричной форме.

А у меня при этом появилось некое ощущение свершившейся мести. Заслуженной причем, безотносительно того, что лично мне они ничего худого вроде и не сделали. Я представил, как к теплому и уютному бандитско-ментовскому гнездышку подойдет рота на броне, преимущественно из офицерского спецназа, и чем это все закончится.

Затем я перешел к заботе о личных интересах, то есть откровенно предложил поменять излишек нашего транс-

порта на что-то особо полезное для нас, снова заставив Пантелеева задуматься. Все же предлагали мы немало, две «буханки», каждая не старше пары лет, и один «УАЗ». И нам прекрасно было видно, что часть в них нуждается, здесь, как и везде, был дефицит именно «командирско-посыльного» транспорта, который можно легко гонять по разным делам, не морщась, как от зубной боли, подсчитывая расход топлива. Заодно я предложил к обмену так и не пристроенный никуда «Паджеро». По поводу же наших «японцев» пока не сказал ничего, у меня относительно них появились другие идеи.

— И что хочешь взамен? — спросил Пантелеев.

— А чего я могу хотеть? — удивился я. — Хочу оружия, боеприпасов и всякого такого. От рации типа «Северка» не отказался бы и еще от горючки в бочках. Сами знаете, какая нам дорога светит.

Пантелеев подумал и от «Паджеро» отказался с ходу. А по поводу остального сказал:

— Сам понимаешь, что такое без зампотыла не решается. А до завтра я с ним поговорить не смогу нормально, ему сейчас не до этого. Хотя приказ командира о помощи вам помню и выводы из этого сделал. Завтра обсудим, в общем. Думаю, что положительно решим, с оружием в требуемых вам объемах у нас нормально. Вас все же немного, не батальон.

На последних его словах у меня в сердце запела-зажурчала свирель, но виду я не подал, лишь похвалил нас самих за выдержку и разумное поведение. Только за счет того, что не рванули сразу прочь от Москвы, а продолжаем крутиться вокруг нее, сумели разжиться оружием и всем необходимым, причем неплохо так разжиться, другим на зависть. Здесь пошарились, там подсустились — и результат налицо. Регулярно наклеиваются какие-то возможности усилиться, главное — их не упускать.

Кстати, взятые с бандитов стволы мы все отдали майору, но патроны тоже себе оставили, почти тысячу «семерки» и пару сотен с картечью для гладкоствола. Так к чему я?

А к тому, что мы превращаемся в отлично оснащенный и не хуже вооруженный отряд лишь потому, что стараемся крутиться в гуще событий, а не бежим куда подальше.

Затем я начал напрашиваться на присоединение к нападению на Хлебниково, но получил категорический отказ. Пантелеев сказал, что доступ к продуктам у нас и так будет, поделятся они добычей, раз уж мы им такую цель указали, но операцию проведут его люди, и пугающиеся под ногами «партизаны» там без надобности. Ну если продуктами поделятся, то я и не настаиваю.

Подполковник ушел, доужинав и еще раз напомнив, что с утра ожидает меня в штабе, а я пересел к Татьяне, болтавшей с Викой и Машей. Как я заметил, из столовой вообще никто не уходил — это было самое удобное в здании место для общения. Людей к тому времени еще прибавилось, рабочий день наконец закончился, и столовка превратилась в клуб. Между столами бегали дети, люди болтали, некоторые выпивали даже, хоть и понемножку. Дети нашей рыжей Маши уже обзавелись друзьями и тоже были где-то в зале. Где именно — никто не беспокоился, потеряться они не могли, потому что детей отсюда без взрослых просто не выпускали.

Мимо столика прошли с подносами наши знакомые «мастеровые». Они поблагодарили меня за то, что застал их сюда. Уже все пристроились к работе, оба по плотницкой части, их жен тоже трудоустроили, одну даже поставили заправлять кухней этой самой столовой. Вторая будет работать пока в детском саду, но они намерены открывать школу. Дети с ходу были отданы в кружок начальной военной подготовки, здесь на этом настаивает командование. Я подумал, что командование очень даже правильно делает, спокойных времен впереди не предвидится, пусть уж умеют защитить и себя и других.

Я спросил у мужиков, где они живут, и они ответили, что пока в этой самой гостинице, но будут работать на переделке нескольких учебных корпусов в нечто вроде общежития для семейных. Туда их обещали переселить

в перспективе, но им больше нравится проект строительства тех самых изб, о которых говорил подполковник. И они надеются перескочить туда, тем более что знают, откуда можно вывезти отличные пилорамы, поэтому есть возможность поторговаться с тыловиками. А наладить производство качественной доски и бруса будет несложно, равно как и строить избы по стандартному проекту, и тогда уже к осени можно будет всех расселить.

Не хватает только торфа, который был бы отличным утеплителем, а стекла надо вынуть аккуратненько из окон тех самых учебных корпусов. Там стекла такие, что их можно порезать на маленькие. В избах больших окон отродясь не было, наши люди о сбережении тепла всегда думали. Потом надо будет лишние панельные корпуса разобрать, а добытый материал пустить на укрепления.

Во как, сразу видно, что мужики теперь при деле, не то что мы — не пришей рукав. Распрощавшись с ними, мы пошли с Таней наверх. Устал я за сегодня, если честно. И не только за сегодня. И морально вымотался, страшно давит на душу это наступающее на города запустение с одними мертвяками на улицах, а уж сегодняшняя банда беспредельщиков окончательно подкосила меня. Как вспомню маленьких голых девчонок-зомби, замученных этими уродами, так хочется поехать, этого Толю с фонаря снять, к жизни вернуть и снова кончить его, причем придумать для этого другой способ.

Сходил в душевую в конце коридора, долго плескался там под горячей водой, смывая с себя усталость и грязь, затем вернулся в номер. Татьяна уже постелила, и я рухнул в кровать, прижав к себе свою девушку, чувствуя запах шампуня на ее волосах.

— Как ты? — спросила она меня.

— Устал, очень устал, — вздохнул я. — Денек бы отдохнуть.

— Отдохни, кто мешает?

— Обещания мешали покуда, — усмехнулся я. — Да я морально устал, на самом деле, от всего этого... что во-

круг. Мир в яму проваливается, мы выживаем черт знает каким способом и черт знает где... Пока делом занят, то вроде и ничего, а как появляется время... все думки, думки, мать их за ногу. Лучше и дальше устать, от этого меньше задумываешься.

— Ты знаешь, а я сегодня весь день на Базе была, думала, — сказала она, закинув руки за голову и глядя в потолок. — Потом здесь осмотрелась, разговоры послушала. И как-то немного легче на душе стало. Все же мы как народ погибать не собираемся. Люди думают о будущем, причем даже о дальнем, что и как будет через год, через десять лет, через пятьдесят. Всех детей здесь будут готовить на военных, будут заниматься разработкой способов борьбы со всеми этими зомби, морфами и так далее. Уже создают поисковые группы для экспедиций по всяким техническим библиотекам, заводам и прочему. Будут собирать все чертежи, технологии, чтобы ничего не пропало. Я даже думала, может, нам стоит сюда вернуться?

— Может, и стоит, — согласился я. — В любом случае надо будет дать о себе знать, добрались мы до «Шешнашки» или нет. Но у Коврова перспективы лучше.

— А что в Коврове? Там промышленность и все такое, а здесь вроде как интересно.

А то я про это не думал. Как же. Но вслух этого не сказал, а лишь притянул ее к себе:

— Ладно, хорош болтать, иди ко мне, счастье мое...

Сергей Крамцов

29 марта, четверг, утро

К завтраку общий план операции по захвату хлебниковской овощебазы был примерно готов, и Пантелеев выпроводил меня из своего кабинета. Зампотыла части присутствовал на совещании, потому как операция шла в пользу его «департамента», но поговорить с ним по волнующим меня обменно-шкурным делам не получилось, не до того было. Хотя он про распоряжение генерала помнил и даже

мельком об этом сказал, успокоил типа. Ну и ладно, мы теперь никуда и не торопимся, если честно. Будем выжидать, да и по поводу состава отряда у меня тоже мысли есть, пока вслух не высказанные.

Выбравшись из штаба, я решил прогуляться по расположению, пользуясь своим удобным, хоть и не совсем понятным статусом «гостя», когда вроде гулять можно, а припахать тебя уже вроде и нельзя. А заодно мне подумать надо бы, почесать в затылке, понять, как и куда жить нам дальше и что для этого необходимо. И в таких мыслях добрал до КПП.

Инженерная техника работала круглосуточно. Все ревели, рычали дизелями, воняло сгоревшей соляжкой и маслом. Базу окапывали уже серьезным, почти крепостным рвом, причем сам ров был очень хитрой формы. По идее, любой упавший в него мертвяк должен был пойти по нему и вернуться обратно или попасть под посты, где получить свою пулю. По верху рвов тянулись заграждения из натянутой на колья колючки, за бетонным забором возводились караульные вышки, широкие, крытые, где при необходимости легко разместить целое отделение стрелков, которые могли вести огонь вдоль рвов. Забираться в них полагалось только по подъемным лестницам, втягивавшимся внутрь, а там можно было даже жить в полной безопасности. Чувствовалось, что в «Пламени» о своей обороне думают ежеминутно, и думают светлые головы — все было нестандартно, толково. Новые условия, новый противник — и новые решения.

Путь для машин к КПП и воротам теперь был извилист, зажат разбросанными в шахматном порядке бетонными блоками, да и вообще место становилось действительно неприступным. К тому же, как я знал, батарея «саушек»¹ пристреляла почти все возможные ориентиры на подступах. Более чем достаточно. Имелись и минометы. А вот минировали только отдельные участки за рвами, специ-

¹ САУ — самоходная артиллерийская установка.

ально от людей. Тратить мины на бестолково вытаптывающих их зомби никто не хотел, только лишний расход материала.

От КПП направился к учебным полям посмотреть, как там стройка идет. И тут все внушало уважение. Огромное пустое поле было раскопано канавами, укладывались фундаментные блоки, местами на них уже клали обработанные бревна, а пара небольших, но добротных изб была уже готова.

Возле одной возились двое плотников, одетые в уже везде привычный военный камуфляж «флора», но явно гражданские с виду. Они как раз приколачивали перила к невысокому крыльцу.

— Мужики, загляну в дом, не возражаете? — спросил я, окликнув их.

Один даже внимания на меня не обратил, а второй, низенький небритый дядька лет пятидесяти, кивнул, достал сигарету, закурил и лишь после этого сказал:

— Зайди, жалко, что ли?

Доски крыльца забухали под подошвами тяжелых ботинок, беззвучно отворилась на смазанных петлях новенькая дверь. Я вошел в сени, вдохнул запах свежеструганного дерева, олифы, прошел, похрустывая опилками под подошвами, до следующей двери, что вели из сеней в горницу. Огляделся: а хорошо ведь получилось, добротно. В горнице посередине фундамент под печку, которая явно будет делить ее единое пространство на две маленькие комнатки. Окошки крошечные, едва свет пускают, так это и хорошо, теплее будет. А больше и смотреть не на что. Вышел обратно в сени и только сейчас обратил внимание на еще одну дверь. Заглянул за нее.. Ага, вот и знак прогресса — унитаз и поддон для душа, выложенный простенькой плиткой. Водопровода нет, но похоже, что наверху бак будет. Больно уж там балки серьезные, под тяжесть рассчитаны.

— Водовозка будет развозить, трубу не тянули, — сказал вдруг из-за спины плотник, тихо вошедший в сени. —

А там наверху бак на двести литров, хоть мойся, хоть для кухни. И греть его можно.

— Умно, — поразился я. — А слив куда? В септик?

— А куда же еще? В септик обязательно, — подтвердил мужик. — Септики к каждому дому пристроены.

— А как вообще народ такие домики получает?

— Это через зампотыла, — махнул рукой куда-то мне за спину мужик. — С ним говорить надо, там решают. Они расселяют, кого в избы, а кого в многоэтажки.

— Ага, понял. Спасибо, — поблагодарил я мужика и вышел на улицу.

Интересно, интересно. Вот так планируешь что-то, планируешь, а потом опять задумываешься: хорошо ли? Ковров — это прекрасно, конечно, да только кто мы там? А тут у нас репутация уже, и имуществом мы готовы делиться. Да и вообще, насквозь знакомая Москва под боком, даром что ее мертвецы сожрали. Своя территория вроде как. И дело для всех бы нашлось...

Ладно, потом об этом, сегодня бы мне все же с зампотылом о чем-то договориться да и порешать вопрос пользования учебной базой для моих бойцов. Не зря же здесь даже офицерский спецназ ГРУ тренируется, база-то самая лучшая. Если бы еще Пантелеев какого инструктора им дал, особенно тем, кто у нас самый молодой... ну да это вряд ли, мало у него людей свободных. На совещании сказали, что здесь около двух тысяч человек сейчас, и бойцов из них чуть больше четырех сотен, остальные сплошь гражданские. А задач у этих четырех сотен выше головы, не успеешь сейчас что-то сделать — дальше поздно будет. Ладно, нам бы к учебной базе доступ. И можно — к материальной. Не откажемся.

Нагулявшись по территории, я направился сразу на обед, мне о нем Татьяна по радио сообщила. А то так бы и шлялся дальше, думок-то в голове как блох на собаке, все не передумаешь. И соблазны, соблазны... Плохо ли, например, оставить здесь всех небоеспособных, прихватив с собой только бойцов? Сколько бы проблем снялось тог-

да? Много. А так, малым отрядом, да если еще оснастить-ся получится... Это сколько геморроев вместе с головной болью снимается? Да не сосчитать. Впрочем, что пока об этом думать, думкой дурень богатеет.

Вернувшись в гостиничный корпус и зайдя в столовую, я обнаружил там уже одних наших. Алина Александровна сказала, что все прибывшие с нами направились на обязательный медосмотр. Тут решили беречься от всего, даже от эпидемий. Нас на осмотр не приглашали потому, что мы не вливались в общество, а должны были ехать дальше.

За обедом я сидел с Алиной Александровной, которая расспрашивала, что делается за пределами территории «Пламени». Поговорить до этого дня толком так и не получалось, то одно мешало, то другое, суетная была жизнь. Сегодня в первый раз вот так все вместе за стол уселись, а то в другие дни кто-то обязательно в наряде был, на чердаке сидел.

Когда я рассказал, что явно наступает перелом в пользу мертвяков, Алина Александровна кивнула и сказала: «Так примерно я и рассчитывала. Еще дня четыре-пять, и живых людей иначе как в укреплениях не останется в этих местах». А я задумался над тем, когда же вообще освободятся дороги на достаточное расстояние от Москвы? Хотелось бы дождаться того момента, когда банды беспредельщиков, такие как та, с которой мы столкнулись, будут вытеснены мертвяками. Через мертвяков-то мы на своих машинах проедем, я уверен, а вот через вооруженные засады? Очень даже сомнительно. А схлынет поток беженцев с дорог, исчезнут и мародеры, как мне кажется. Что им тогда на пустых трассах делать? Найдут себе другое занятие.

Еще одна новость: очень странно стал вести себя дегтяревский кот. Как будто чувствуя что-то подозрительное в воздухе, он все время ходит следом за Алиной Александровной, даже в столовую, где укладывается рядом с ней на длинной лавке. И что еще интересней — так поступают и другие коты, которых на базе было немало, ведь сюда